

1

В тот день, когда я потеряла Эйдена, я поняла, что такое лишаться контроля. Мы часто говорим о том, как теряем над собой контроль, перестаём владеть собой, когда выпили, или приняли наркотики, или поддались страсти или гневу. Но всё это не то — я говорю не о простых эмоциях, я имею в виду настоящую и полную потерю контроля, утрату способности управлять своей *жизнью*. А именно это и случилось — моя жизнь стала мне не подвластна. Всё вокруг просто разваливалось на куски, а я была способна лишь стоять и беспомощно наблюдать за происходящим.

Мне не единожды приходилось слышать о том, что управлять можно лишь собой, *своим собственным* поведением в соответствующей ситуации, окружающий же мир находится вне сферы твоего влияния. Тебе неподвластны реакции других людей, ты в силах контролировать лишь свои. И в этом заключается грандиозная драма всей жизни. Сейчас всё может быть замечательно, а уже через мгновение — пойти наперекосьяк в силу причудливо сложившихся обстоятельств. Что, спрашивается, остаётся думать, когда у тебя отняли ребёнка?! Клясть судьбу? Бога? Сетовать на злой рок? А жить-то как дальше?!

Судьба была, несомненно, крайне благосклонна ко мне, определяя семью, в которой мне надлежало родиться. Я появилась на свет в обстановке пасторального умиротворения, которая с первых дней жизни внушает тебе: *с тобой никогда не случится ничего плохого*. Пускай грязь конфликтов и насилия наполняет выпуски новостей — в Бишоптауне-на-Узе ничего

подобного быть не может. Наше уютное гнёздышко располагалось посреди масштабных, как на полотнах Джона Констебла, пейзажей с уходящими вдаль изумрудными лугами и каменными стенами, сложенными сухой кладкой. Мы были в безопасности. По крайней мере, я так думала.

Двадцать первого июня 2006-го, в два часа пополудни я нацепила большой непромокаемый плащ, натянула резиновые сапоги и вышла на улицу. В тот день в Бишоптауне-на-Узе началось самое грандиозное с 1857 года наводнение, вызванное сильными ливнями. Коттедж, в котором я жила с родителями и шестилетним сыном Эйденом, располагался на тихой улочке, на некотором удалении от проезжей части, и, выйдя в тот день из дому, я была поражена тем, сколь стремительный поток воды несётся по асфальту. Я никак не ожидала, что вода будет захлёстывать сапоги, а отдельные брызги — долетать почти до пояса. Пульс участился, я разволновалась, представляя, как придётся добираться до школы. Учителя обзвонили всех родителей и попросили забрать детей домой, поскольку крыша здания дала течь, к тому же река Уза вполне могла выйти из берегов. Нас заранее известили о надвигающихся проливных дождях, но никто не предполагал наводнения. Дождь шёл стеной, беспощадно заливая мое лицо и колошматя сверху по капюшону походной куртки.

Уза, выписывая змеиные полукольца, прошивала ими наш маленький городок. Можно даже сказать, речка была чересчур велика для него, но оттого не теряла в колорите и живописности видов. В Бишоптауне имелись два паба, мини-гостиница, церковь, школа, а также примерно 400 человек населения, что позволяло нам наслаждаться вторым местом в списке самых малочисленных населённых пунктов Англии и первенствовать по малочисленности в Йоркшире. Никто никогда не уезжал из Бишоптауна, как никому и не приходило в голову перебраться к нам жить, и если какой-нибудь дом выставляли на продажу, то причина могла быть только одна: хозяева отправились в мир иной.

Мы все знали друг друга. Мы вместе росли, вместе проживали жизнь, вместе воспитывали детей. Так что, когда звонил телефон и Эми Перри, учительница начальной школы и одновременно одна из моих старых школьных подруг, попро-

Безмолвное дитя

сила прийти и забрать Эйдена, я сразу поняла, что дело плохо. Если бы всё было в порядке, Эми сама отвела бы детей по домам — вот так мы друг другу доверяли.

Я слышала, как по окнам забарабанил дождь, но на тот момент снова немного выпала из реальности, листая на MySpace фотографии школьных друзей, отучившихся в университете и теперь путешествующих по миру. Мне было двадцать четыре. Я сдавала школьные экзамены с Эйденем в животе, а потом наблюдала за тем, как мои друзья разъезжаются по вузам, строя грандиозные планы, в то время как я по-прежнему жила с родителями. Они покидали наш городок, начиная новую жизнь, а я всё так же глазела из окна своей комнаты на автобусную остановку, положив одну руку на раздувшийся живот. С того момента, нянчась с ребёнком, я много времени — возможно, даже слишком много — проводила в интернете, разыскивая там друзей и рассматривая всё новые их фото то из Таиланда, то из Парижа.

При такой погоде ехать на машине было решительно невозможно, и я решила идти в школу пешком. Из всех членов моей маленькой семьи ближе всё равно никого не было: отец Эйдена, Роб, работал на стройке в окрестностях Йорка*, мои родители тоже были на работе. Все они были сейчас далеко и ввиду разыгравшейся непогоды помочь бы никак не смогли, и я даже не стала им звонить — что толку... В Бишоптауне всё рядом, до школы дойти — буквально десять минут. Правда, здание школы находилось на другом берегу Узы, что меня слегка беспокоило: если ливень и вправду столь силён, как говорили в новостях, река могла выйти из берегов.

Я с трудом шла по дороге сквозь потоки воды, и сердце выстукивало в грудной клетке быстрый ритм. Косые дождевые струи били прямо в лицо, практически не давая открыть глаза. Я склонила голову и вцепилась руками в ремешок сумки, перекинутой через плечо. Рукава промокли насквозь, и руки продрогли до костей.

— Эмма!

Оклик был едва слышен за шумом ливня. Я обернулась и увидела свою подругу Джози, которая махала мне рукой,

* Город Йорк — административный центр графства Йоркшир.

спеша вверх по улице в моём направлении. Она работала бухгалтером в маленькой фирме, где я была секретаршей на полставки. Внешний вид её меня всерьёз напугал: вся всклокоченная, в отсутствии зонта мокрые волосы в беспорядке облепили голову, по щекам стекает макияж. На ней не было никакой верхней одежды, и юбка в обтяжку совершенно промокла.

— Господи, Джо! Тебе нужно срочно домой!

— Эмма, я только что ходила на тот берег. Река начала разливаться. Тебе бы тоже надо домой!

— Чёрт. Мне нужно забрать Эйдена из школы.

— Ничего, там он в безопасности, — сказала она. — А вот если наводнение застанет тебя у моста, может смыть. — Она жестом подозвала меня, но я осталась там, где стояла.

— Надо забрать Эйдена, — возразила я, покачав головой. Школа стояла слишком близко к реке, чтобы я была спокойна, оставив шестилетнего ребёнка на попечение учителей. Тем более в каком состоянии скоро окажется школа, если у них уже крыша протекает?!

— Тогда будь осторожна. Я слышала, что помощь идёт, но пока что у реки никого, ни полиции, ни спасателей, а выглядит там всё очень плохо, Эм, правда! По крайней мере, не возвращайся на этот берег, ладно? Посидите в «Белой лошади» или ещё где-нибудь. Возьми себе бокал шардонне, — попыталась пошутить Джози, сооротив гримаску, хотя как по мне, так у неё вышла какая-то нервная полуулыбка. Она и вправду была сильно напугана, что было на неё совсем не похоже.

— Ладно. Давай-ка домой, и сама поосторожнее! Увидимся в офисе, когда эта долбаная свистопляска стихнет! — Настал мой черёд изобразить нервную улыбочку, стараясь не замечать, как противно засосало под ложечкой. Когда мой отец был помоложе, он волонтерствовал в Королевском обществе спасения на водах и не уставал мне повторять: есть в мире одна вещь, с которой точно лучше не связываться, — это море.

Видимо, сегодня на Бишоптаун низверглась частичка этого самого моря. Когда я добралась до моста, от открывшейся картины перехватило дыхание. Джози была права: ещё чуть-чуть, и Уза выйдет из берегов. Обычно спокойная и медлительная, в тот день река вздыбилась и уже плескалась прямо под каменными арками моста. Вода словно карабкалась вверх по

Безмолвное дитя

склонам берегов, пропитывая покрывающую их траву, и кое-где уже сочилась тонкими струйками, убегая от реки в сторону дома моих родителей. Я попятилась и достала мобильный телефон. В школе трубку не брали, что отнюдь не способствовало моему спокойствию, и я позвонила отцу.

— Эмма, ты в порядке? — спросил он. — Я в офисе, и с неба так хлещет, что, боюсь, я тут застрял надолго!

— Да, пап, лучше оставайся там, река может выйти из берегов. — Отец работал инженером-конструктором в строительной компании недалеко от Бишоптауна. — Я иду в школу и буду с Эйденем, пока не прибудет помощь.

— Эмма...

— Я в порядке. Короче, сиди пока на работе, ладно?

— Эмма, мост...

Я с тревогой посмотрела на короткий каменный мост.

— Я уже перешла на другую сторону. Иду по Аккер-Лейн в сторону школы.

Он с облегчением вздохнул:

— Я позвоню маме и велю ей не выходить пока из клиники.

— Хорошо, пап. Люблю тебя.

— И я тебя, детка.

Я знаю, это глупо, но когда я положила трубку, в глазах стояли слёзы. Часы на телефоне показывали 14:10 — за десять минут я прошла лишь половину пути. Нужно было спешить к сыну. Я зашла на мост и постаралась не обращать внимания на уровень воды, надеясь на то, что быстрые размашистые шаги каким-то образом уменьшат грозившую мне опасность.

Вода заливала мост почти по щиколотку. Непонятно было, дождевая ли это вода или речная, или их смесь, ясно было одно: нужно спешить. Не успела я сойти с моста на противоположном берегу, как речная волна посильнее крепко врезалась в мост, выбив из него кучу камней и обрушив секцию прямо у меня под ногами. Я потеряла равновесие, споткнулась и едва не упала вперёд, уронив телефон в воду. Холодная как лёд волна толкнула меня сбоку и, не давая вздохнуть, потянула прямо в бурлящий поток. Словно краб, я сделала максимально широкий шаг вбок, сопротивляясь сильному течению, стремящемуся утащить меня с собой.

К счастью, почва на берегу была достаточно мягкой, илистой, что дало возможность поглубже воткнуть каблук сапога в землю, и тот с чавканьем прочно зафиксировался в ней, позволив мне оттолкнуться и двинуться вперёд, выбираясь на дорогу. На левой ноге сапога уже не было.

Так я и выползла наверх, на дорогу, со сползающим с ноги носком, хватая ртом воздух под стеной дождя. Отойдя на несколько метров от моста, я обернулась и успела заметить, как сапог скрылся под водой. Я постаралась восстановить дыхание, несмотря на то, что промокла насквозь, до нижнего белья. Вместе с сапогом в потоке могла оказаться и вся я, и тогда кто бы позаботился об Эйдене? Нет, домой теперь не попасть, через реку не перейти. Придётся остаться с ним в школе. Какая же я идиотка, что не послушала папино предостережения насчёт воды. В горле возник тугой комок, и я повернулась к реке спиной. Один неверный шаг, и я свалилась бы в воду вместе с тем рассыпавшимся куском моста, телефоном и моим левым сапогом. Одна ошибка — и я бы плыла сейчас где-нибудь на глубине, где течение спокойно, и волосы мои развевались бы в воде вокруг головы, как у сказочной русалки, которой больше не требуется дышать.

Ещё одна мёртвая девушка. Часть статистики трагического наводнения. Эгоистка, которая наврала отцу и оставила шестилетнее дитя без матери. Я тряхнула головой и пошла по Аккер-Лейн, как и сказала папе. Улица с полтора километра шла вдоль реки, а затем сворачивала влево, чтобы ещё через километр подвести к парковке бишоптаунской школы. Подойдя к ней, я увидела, что парковка залита водой, доходящей некоторым машинам до середины колёс. Очень вряд ли, что все эти люди попадут сегодня домой... Я снова двинулась к школе — той самой, где училась сама и где в своё время вырезала на половицах актового зала своё имя, дабы произвести впечатление на Джейми Гловера, мальчика, который несколько лет спустя разбил мне сердце, принявшись целоваться с Фионой Кейтер прямо посреди регбийного поля. Но теперь это, конечно же, школа моего сына, и скоро придёт его черёд царапать своё имя на чём-нибудь деревянном остром конце стрелки от компаса.

Безмолвное дитя

Школа занимала небольшое здание в викторианском стиле, больше подходящее для скромной церквушки. Остроконечная крыша с крутыми скатами и старомодные витражные окна несли в себе изрядную долю готики.

Подтянув насквозь мокрый носок, я подбежала ко входу и влетела внутрь, чуть не сшибив кого-то в дверях. Выпрямившись, я обнаружила перед собой миссис Фитцуильям, занимавшую пост директора ещё со времён моего детства. Рассмотрев меня, она побледнела, отвела взгляд от моих глаз и уставилась куда-то поверх моей головы. В её переменившемся лице читалось нечто такое, от чего душа у меня ухнула в промокшие пятки:

— Что случилось?! — спросила я.

По стене за спиной миссис Фитцуильям стекала струйка дождевой воды. В мои школьные годы мы звали её миссис Фитц. Она всегда была, как говорится, строга, но справедлива, и мы немного побаивались её рыжей шевелюры, которая нынче стала совершенно седой. Она снова посмотрела мне в глаза, и теперь выражение её лица было не столь суровым, а на глазах появились слёзы, отчего сердце у меня снова забилося, норовя выскочить из груди. Я обхватила себя руками, силясь унять тревогу, а сердце остановилось — и снова пошло, будто от разряда дефибрилятора.

— Мисс Прайс... Эмма... Боже, мне так жаль...

Я подалась на шаг вперёд, и она тут же отступила назад: судя по её лицу, вид у меня был утрашающий. Она подняла обе руки и выставила их перед собой ладонями вперёд, будто капитулируя:

— Мы вызвали полицию, они скоро приедут.

— Да вы скажете, что случилось, или нет?! — потребовала я.

— Эйден пропал. Мисс Перри была с детьми в четвёртой аудитории и проверяла всех по списку — нам пришлось собрать там всех второклассников*, потому что с потолка там текло поменьше. И в какой-то момент Эйден сбежал. Мы осмотрели все помещения и думаем, что он ушёл из школы.

* Школьное обучение в Англии начинается обычно с 5 лет и длится 13 лет.

Я схватилась за грудь в жалкой попытке сдержать боль, полившуюся из сердца:

— Почему он ушёл?!

— Не знаю, — покачала головой она. — Может быть, ему стало любопытно посмотреть на дождь...

Я вся сразу обмякла, скомкалась, будто бумага. Конечно, ему стало любопытно. Эйдену было интересно всё вокруг, в нём рос настоящий исследователь. Он излазил в парке все деревья, мигом перелезал через деревянные воротца и устремлялся в поле, где паслись коровы, прятался на вересковой пустоши у Бишоптауна и мог часами играть в прятки в ближайшем лесу. Я поощряла в нём всё это, я хотела, чтобы он вырос отважным и решительным. Да, я хотела этого, надеясь, что из него получится сильный мужчина с тягой ко всему новому и неизведанному. Можно сказать, я прививала ему свою неудовлетворённую жажду странствий.

Но я точно не хотела, чтобы она проявлялась вот так. Я не хотела, чтобы он, покинув безопасное место, отправился навстречу приключениям в разгар самого страшного наводнения за последние более чем сто лет.

— Вы всю школу обыскали? — спросила я.

— Ещё продолжаем искать... — ответила она.

— Я с вами.

Остаток дня прошёл как в тумане. Я сама проверила все аудитории и классные комнаты, спотыкаясь о вёдра, подставленные под протечки, и распахивая дверцы шкафов, выкрикивая его имя, пока не нагнала страху на других детей. Но всё было тщетно, в школе Эйдена не было. Я обыскала каждый закуток, каждую щёлку в здании, прочесала парковку и футбольное поле, пока, наконец, Эми не уgomонила меня, усадив на стул и подав чашку горячего кофе, приготовленного миссис Фитцуильям.

Полицейские со спасателями явились лишь через несколько часов. Я не заметила, как среди этой кутерьмы на мне оказалась пара сухих ботинок. Эйдена так никто и не нашёл. У властей забот хватало и без этого, спасателям и полиции не хватало рук, и мой малыш, мой бедный мальчик так и остался в списках пропавших без вести.

Безмолвное дитя

Негодую ли я теперь по этому поводу? Ненавижу ли всех тех родителей, чьих детей эвакуировали в безопасное место на лодках и вертолётах, когда Уза разошлась вовсю и накрыла весь наш невеликий городок своими тёмными водами? Нет. Я не могу. Я не способна кидать камни в тех мужчин и женщин, которые без устали спасали всех, кто был в живых. Но в тот день, наблюдая за суматохой вокруг, за тем, как оставшиеся в школе дети обнимают своих родителей, и за тем, как чуть не утонувших жителей моего родного городка кутают в одеяла и поят горячим чаем, я осознала, что больше не управляю своей жизнью. В тот день вместе с Эйденем я потеряла контроль над своей жизнью, и с его исчезновением я потеряла и саму возможность вернуть себе этот контроль.

Столько неиспользованных возможностей. Это выражение мне довелось услышать много раз после того, как в последнем, 13 классе я забеременела Эйденем. Когда мне пришлось помочь на заветную полоску, мне только-только исполнилось восемнадцать, и я как раз послала в UCAS* заявку на поступление в несколько университетов, которые, по моим расчётам, должны были принять меня на гуманитарное отделение. Мой тогдашний парень Роб Хартли, напротив, в университет поступать не собирался. Наши отношения висели на волоске, и когда я сообщила ему новость, волосок порвался окончательно.

Роб и в помине не был тем молодым человеком, которого можно радостно вести знакомить с родителями. В пятнадцать он уже играл в группе, в шестнадцать набил первую татуировку, а в семнадцать практически полностью забросил учёбу. Он не свалил из нашей школы совсем, чтобы всё-таки сдать выпускные экзамены, хотя сейчас, вспоминая то время, я склоняюсь к мысли, что, скорее всего, он не бросил школу ради того, чтобы быть рядом со мной. Мы были влюблены по уши, но любовь эта была юной, страстной и сумасшедшей, полной нелепых ошибок и драматических моментов. Ну и, конечно, самым драматическим поворотом стала моя беременность — Прайсы и Хартли устроили совместный семейный совет, дабы решить, что следует предпринять в свете обрушившегося на

* Организация, координирующая приём в вузы (Universities and Colleges Admissions Service — Служба приёма в университеты и колледжи).

Безмолвное дитя

наши головы сурового испытания. В какой-то момент я даже стала подозревать, что они собираются отправить меня на девять месяцев куда-нибудь подальше, чтобы сохранить беременность и ребёнка в тайне. Ей-богу, можно было подумать, что на дворе начало двадцатого века, а не двадцать первого.

Жители нашего городка были хоть и провинциалами, но вполне зажиточными. Мать работала терапевтом, а семья Роба владела маленьким бутик-отелем в самом Бишоптауне и несколькими загородными домами под Йорком. У нас были самые радостные перспективы: наши семьи относились к среднему классу, а родители из кожи вон лезли ради нашего будущего. А мы просто спустили его в унитаз, как я — тест на беременность после использования...

Я могла сделать аборт, и честное слово, я размышляла над таким вариантом. Однажды мама даже усадила меня рядом с собой и спокойно, без лишних эмоций, описала, как происходит эта процедура. Такие девушки, как я, часто выбирают именно такой путь, считая аборт наилучшим выходом из положения. Но что-то было такое в этой горошине, которую я увидела на УЗИ, из-за чего мне стало жутко интересно, что за маленькое волшебство творится у меня внутри. В моей утробе зрела таинственная горошина, и мне было очень любопытно, что с ней станет дальше. Наверно, в моём решении была изрядная доля эгоизма... да может, в любом человеческом решении присутствует эгоизм. Но это был мой выбор.

Я выбрала Эйдена.

И ни разу об этом не пожалела.

Ни тогда, когда он, раздвинув мою плоть, появился на свет божий, ни тогда, когда он орал как резаный, вместо того чтобы мирно спать, ни даже тогда, когда через три дня после наводнения из Узы выловили его красную курточку. Нет, я никогда не жалела о сделанном выборе на протяжении семи долгих лет, прошедших со дня наводнения, пока, наконец, моего сына официально не объявили юридически мёртвым.

— Ну что, Эмма, может, теперь вот этот откроешь?

Я заморгала, и это помогло мне вернуться к реальности, в которой сидела на одном из не слишком комфортных стульев, расставленных в учительской комнате вокруг маленького низкого столика. У стены слева располагался стеллаж с от-

делениями для каждого учителя, а за спиной у меня находились небольшой кухонный уголок с несколькими шкафчиками, наполненными неизвестно когда попавшими туда упаковками сухих завтраков, и раковиной, уставленной кружками с чайными ложками. Интересно, долго ли я пребывала в воспоминаниях об Эйдене? Судя по выражению лиц вокруг, я уже некоторое время ни на что не реагировала.

— Да, конечно! Прости, я что-то отключилась... — Я заткнула за ухо выбившуюся прядь волос, улыбнулась и склонила голову, принимая подарок из протянутой руки Эми.

Десять лет назад, когда вода поглотила Эйдена, я бы и представить себе не могла, что когда-либо буду работать рука об руку с той самой женщиной, что позволила моему сыну беспрепятственно покинуть школу. Но жизнь идёт своим чередом, и люди меняются. Несмотря на всё случившееся, я смогла простить Эми. В той экстренной ситуации она и так уже действовала за гранью своих возможностей, и стоило ей в какой-то момент отвернуться, мой ребёнок сделал, казалось, маловероятное: вышел из школы, пошёл напрямик к опасной реке и утонул, будучи не в силах сопротивляться мощному потоку. Таковы сухие факты. Но каждый раз, когда я думаю о них, я словно отключаюсь от той реальности, в которой они имели место. Иногда мне даже кажется, что моё сознание вообще не желает иметь ничего общего со смертью Эйдена. Отказывается верить в неё, будто он мог остаться в живых и превратиться в какого-нибудь дикаря, живущего где-то на йоркширских болотах и пугающего туристов, выпрыгивая из зарослей вереска и стремительно удирая в своё логово, словно Стиг-со-свалки*.

Держа подарок на коленях, я поддела ногтем большого пальца клейкую ленту на упаковке и медленно развернула её. Подарок был упакован в милую розовую бумагу с изображениями птичек и цветочков и перевязан розовой же лентой. Бумага оказалась такой плотной, что надорвать её было непросто. Эми не просто заскочила в киоск на Бишоптаун-Хилл — за такой симпатичной и модной бумагой ей нужно было отпра-

* Персонаж детской книги, пещерный человек, обитающий на дне заброшенного карьера.